
Ольга Филбор
мост над пропастью

Ольга Филбор
Мост над пропастью

https://litres.ru/74702197
SelfPub; 2026

Аннотация

Жене двадцать восемь, и всё рассчитано: работа бухгалтером, квартира в ипотеку, никаких долгов перед мужчинами. Отец ушёл из семьи и Женя с тех пор решила: единственный способ не оказаться на мамином месте — стоять на своих ногах и быть независимой.

Она мирит двух сестёр, которые не выносят друг друга. Старшая, Лика, поставила всё на семью: вышла замуж быстро и растворилась в семье, не замечая, что мужу не нужна. Кира, красивая и дерзкая, в семнадцать решила, что мужчин нужно только использовать. Она получила всё, но спустя время её ошибки ударили больно.

Женя уверена: с богатыми нельзя, они не любят. Но встречает Назара: красивый, богатый и наглый, из тех, кто легко меняет женщин. Он с первой минуты её раздражает и уже не выходит из головы. Он не верит в любовь. А Жене впервые страшно, что её бросят. А у матери Назара на сына свои планы.

Мост над пропастью — семейная драма о том, как из детских обид вырастают чужие жизни и как трудно поверить, что тебя любят не за что-то.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 22
Глава 3 46
Глава 4 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Ольга Филбор
Мост над пропастью

Глава 1

Женя бежала с автобуса до маминого дома. Мама Ксения уехала к своей тете в другой город помогать пока та приболела. Сегодня они с сестрами договорились встретиться, полить цветы у мамы и поговорить.

Был июль, балконная дверь распахнута, и в кухню тянуло нагретым асфальтом и тополиным пухом. Кухня в квартире мамы была маленькая. Шесть шагов от плиты до балконной двери, клеёнка на столе в мелкий синий цветочек, три табуретки, четвёртая у окна качалась, если сесть на неё не посередине. Эмаль на плите обкололась у ручек, но каждая конфорка блестела так, что в ней отражалась лампа. Голубая занавеска висела всё та же, и банки на полке стояли подписанные маминой рукой: «рис», «гречка», «сахар». Клеёнку мама меняла раз в год, к 8 Марта, и каждый раз брала такую же, в цветочек.

Кира сидела нога на ногу, не сняв босоножек. Её светлый пиджак лежал на соседней табуретке, а на столе перед ней стояла коробка с пирожными, перевязанная лентой. Кира приехала полчаса назад, поставила коробку на стол и за-

метила, что холодильник тут всё ещё гудит, как в её детстве. Она была из тех блондинок, на которых оборачиваются на улице: длинные светлые волосы, уложенные волосок к волоску, голубые глаза, милое личико с пухлыми губками, стройная фигура. Кажется, надень на неё хоть мешок, всё равно будет смотреться стильно. На запястье тонкий браслет, который стоит, наверное, как вся эта кухня вместе с холодильником.

— Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? — Лика стояла у раковины, засучив рукава своего любимого трикотажного костюма, в руках у неё было полотенце, которое она то складывала, то разворачивала.

— Слышу, Лик. Ты уже третий раз одно и то же говоришь, — ответила Кира, вздыхая.

— Потому что ты не понимаешь! — Лика бросила полотенце на стол. — Мама не переедет в квартиру, которую ты купила. И правильно сделает. Она куплена на деньги, заработанные грязным путём.

Кира закатила глаза и подняла бровь:

— Тебе какая разница?

— Какая разница? — Лика выдохнула так, будто у неё свело внутри. — Ты продавала себя, вот как это называется. Ты спала с женатыми мужиками за деньги. За деньги, Кира! У тебя совести нет вообще. Тебе не стыдно перед матерью? Мы в этой кухне выросли. Мать тут всю жизнь вкалывала для нас...

— Мать тут всю жизнь вкалывала, — повторила Кира спокойно, — а я как раз сделала так, чтобы у неё больше не было проблем. Или ты не заметила? Кто ей путевки в санаторий покупает? Кто ей ремонт в комнате сделал? Ты?

Женя сидела между ними и держала чашку обеими руками, хотя чай уже остыл. Симпатичная брюнетка с прямыми длинными волосами, голубые глаза, тонкие черты, стройная фигура, и она умела подчеркнуть её одеждой. Она приехала сразу после работы, не переодевшись, в блузке и юбке, и на коленях у неё лежала сумка, из которой торчал край папки с документами. Она знала этот разговор. Она слышала его в разных вариантах уже несколько лет.

— Девочки, — сказала она. — Ну хватит. Мама от тёти позвонит, а тут стены дрожат. Не начинайте.

— Пусть дрожат, — сказала Лика. — Пусть все знают, какая у неё дочь.

— Какая? — Кира подалась вперёд, и браслет звякнул о край стола. — Ну скажи. Какая?

— Продажная.

В кухне стало тихо. Во дворе взвыла газонокосилка, кто-то наверху уронил что-то тяжёлое, и по потолку прошёл глухой стук.

Кира не изменилась в лице. Она посмотрела на сестру долго, спокойно, как смотрят на человека, которого давно изучили и которому больше нечем удивить.

— Знаешь что, Лик? — сказала она наконец. — Я тебе

скажу одну вещь, и ты подумай. Ты сейчас сидишь в этом же трикотажном костюме, в котором я тебя видела на прошлой неделе. И на позапрошлой. Волосы у тебя собраны вот так, — она показала двумя пальцами, как именно, — потому что так быстрее. Ты не красишься. Ты не ходишь никуда, не работаешь. Ты целыми днями варишь суп своему Ромочке и гладишь ему рубашки, а он на тебя уже не смотрит. Как на бабу не смотрит. Ты в зеркало давно глядела?

— Не смей про мою семью!

— Я не про твою семью. Я про тебя. Ты мужа своего, считай, уже потеряла, вот что я тебе говорю. Потому что мужику не нужна повариха и нянька, которая вокруг него ходит на цыпочках. Мужику нужна женщина, с которой интересно.

Женя зажмурила глаза, понимая, что опять придётся разнимать сестёр. У Лики задрожали губы. Она быстро отвернулась к раковине, включила воду, потом выключила.

— Ты просто завидуешь. Ты всю жизнь мне завидуешь.

— Чему? — усмехнулась Кира.

— Тому, что у меня есть семья. Дети. Муж.

— Ох, — сказала Кира и рассмеялась, негромко, почти ласково. — Лика. Лика-а. Если бы я хотела, вышла бы замуж.

Женя поставила чашку.

— Лик, сядь. Ну серьёзно, сядь, попей чаю. Давайте сменим тему.

— И ты тоже! — Лика обернулась, и теперь досталось и Жене. — Я на тебя смотрю и не узнаю. Тебе уже двадцать

восемь лет! У тебя ни мужа, ни ребёнка, квартира в ипотеке, постоянно на работе. Вся такая правильная! А как только тебя познакомили с этим своим богатеньким Назаром, так у тебя уже глаза горят. Тоже как сестра хочешь лёгких денег?

— Ты уж определись: грязных или лёгких, — вставила Кира и ухмыльнулась.

— Помолчи, пожалуйста. — Лика вытерла руки о полотенце и бросила его в раковину. — Он же богатый! Он же на машине крутой подъезжает. Такой весь из себя. Ты у нас всегда была гордая, да. А тут сестра подсуетилась, и всё, гордость в сторонке постояла.

— Ничего подобного, — сказала Женя. — Я его вообще видела один раз. Вот ничего тебе не расскажешь, всё перевернёшь!

— Вот и не надо второго!

— Ну всё, — Кира встала. — Хорош.

— А ты, — Лика шагнула к Кире, — ты не смей к моим детям подходить. Слышишь? Не хочу, чтобы они на тебя смотрели. Не хочу, чтобы ты им показывала, как жить.

— Совсем одурела! — Кира гневно смотрела на сестру. — Я никому ничего плохого не сделала! Ни убила, ни украла, семьи не разрушала. С кем спала и сплю, это моё дело! И, между прочим, я выхожу замуж, поняла! — Кира гордо подняла подбородок.

— А что будет, когда жених узнает, что ты спала за деньги? — Лика прищурила глаза и ликовала, ведь последнее

слово сегодня за ней.

Лика схватила сумку с подоконника и вышла из кухни. В коридоре у неё упала и покатилась какая-то мелочь, она не стала поднимать. Хлопнула дверь так, что зазвенела посуда в шкафу.

Кира постояла, потом села обратно и поправила подол платья.

— Ты зачем так? — спросила Женя. — Она старшая. Она этого не выносит.

— Она не выносит, когда кто-то живёт не по её правилам. — Кира раскрыла коробку, выбрала эклер и откусила половину. — Я ей ничего не сделала. Ни ей, ни её детям. Я её детей люблю, ты же знаешь. А вот какими они вырастут, глядя на такую мамашу?

— Тогда будь с ней помягче. Ей сейчас трудно. У Романа на работе вся эта история, он приходит в десять, дети болеют по очереди, и она одна. Ты же видишь, какая она дёрганая.

— Я вижу. — Кира прожевала и вытерла палец салфеткой. — Она в этом трикотаже ходит, у неё под глазами серость, а она мне рассказывает про честь. Жень, ей тридцать лет. Тридцать. Она на себя не смотрит вообще. Она мужу рубашки гладит по вечерам, обед ему в контейнере, и все разговоры про то, что дети ели и какие у неё в квартире новые шторы. Он от неё сбежит, вот увидишь.

— Хватит.

— И знаешь, что самое плохое? Он не к любовнице сбе-

жит, у него любовницы нет. Он просто уйдёт. Потому что рядом с ней ему уже нечем дышать.

Женя молчала. Спорить было бессмысленно, и она знала, что Кира права в главном и ужасно не права в том, как это говорит.

— Он её любит.

— Он её жалеет. Это разные вещи. — Кира стряхнула с платья крошки. — А когда её бросят, она наконец поймёт, что я в семнадцать всё правильно решила. И что мать ни в чём не виновата. И что я, между прочим, тоже.

— Ты не можешь ей этого желать.

— Я ей этого не желаю. Я просто знаю наперёд. — Она поставила локоть на стол и подпёрла щёку. — Ну а ты? Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Про Назара, — Кира шутливо улыбнулась.

Женя взяла чайник и добавила в чашку чая.

— Нечего рассказывать. Ты же сама там была. Миша твой нас представил, обменялись любезностями.

— Понравился?

— Нет.

— Врёшь.

— Не понравился, — повторила Женя. — Противный. Он себя так ведёт, как будто ему всё дозволено. Мне даже противно было, если честно.

И тут же, сказав эти слова, в ней поднялось другое, то,

что она гнала от себя два дня. Она вспомнила, как он открыл ей дверь машины, как в ней пахло дорогим парфюмом и немного табаком. Как он перебил её два раза, как он улыбался. Вспомнила его руки, уверенно держащие руль.

— Ну-ну, — сказала Кира и посмотрела на неё так, что Женя отставила чашку. — Противно ей было. - Кира рассмеялась и снова взялась за пирожное.

На стене за столом, у самого косяка, был нарисован карандашом частокол засечек с подписями роста сестёр, сделанными маминой рукой. Кира обернулась и посмотрела на засечки. Потом на банки с крупами, на старый линолеум.

— Мне тогда семнадцать было, — сказала Кира, глядя в окно. — Я стояла тут, у этой плиты, и думала, что я так жить не хочу. Донашивать одежду, считать копейки, смотреть, как мама проводит свою жизнь на непонятных работах и уже даже не плачет. И я подумала: если ничего не сделать, я тут и останусь, в этой кухне, и буду, как она, мыть чужие квартиры. И тогда я твёрдо решила изменить свою жизнь.

***

Кира вспомнила, как шесть лет назад, в конце апреля, просыпалась от того, что мать гремела на кухне. В квартире было две комнаты, и в маленькой спали вдвоём: мать на диване, Кира на узкой кровати. Утром раньше всех вставала мама Ксения. В шесть она уже была на ногах, пила чай стоя, у окна.

— Вставай, соня. Опоздаешь.

Кира садилась на кровати и натягивала одеяло до подбородка. В комнате было прохладно, батарея под окном чуть тёплая. На кухне её ждала тарелка с овсянкой на воде, хлеб, полпачки печенья и чай. Мать уже накрасила ресницы, надела куртку, проверила, взяла ли Кира ключи.

— В холодильнике суп. Разогреете с Женей, — из прихожей сказала мама.

— Ага.

— Я до восьми. Или до девяти, как получится.

Мама работала в двух местах: до обеда убирала офисы в трёхэтажном здании за рынком, потом шла в продуктовый на склад. Она уходила, и замок щёлкал два раза. Кира смотрела в тарелку. Овсянка была без сахара, потому что сахар экономили, и она ела её с печеньем, чтобы хоть как-то шло.

Кира, как самая младшая, донашивала за сёстрами одежду. Она стояла перед зеркалом в прихожей, поворачивалась боком и обратно, подворачивала заношенный свитер, чтобы он сидел ровнее, и вздыхала.

Алина училась с ней в одном классе. У Алины были красивые шмотки, туфли на каблуке разных цветов, телефон с камерой. Духи, которые Кира чуяла, когда Алина проходила по коридору. Часто за Алиной приезжал отец, чёрная крутая машина стояла у ворот, и Алина радостно садилась в неё и уезжала. Кира завидовала ей — ведь у неё есть любящий отец, который не бросит и балует свою дочь.

По выходным Кира подрабатывала в газетном киоске у

метро. В окно тянуло бензином и мокрым асфальтом, по стеклу бежали капли, мимо шли люди в наушниках. За смену ей давали деньги, она не тратила их дома, а прятала в коробку из-под чая за книгами. На эти деньги Кира ходила на дискотеки и купила свои первые джинсы.

В один из вечеров она стояла за прилавком, смотрела на женщину, которая покупала сразу три глянцевых журнала и сама выглядела как с обложек этих журналов, и вдруг подумала очень ясно: «Я хочу жить, как она!»

Дальше Кира начала думать, как быстро можно заработать денег. Она думала на уроках, в очереди в столовую, на дискотеке, глядя, как девчонки танцуют в блестящих топах, а парни смотрят на них и потом идут провожать, разглядывая дорогие машины на улице и глядя на девушек с их ухажёрами в бутиках с красивой одеждой. Смотрела, как девушки себя ведут, как улыбаются, как заигрывают. И решила: ей нужен взрослый богатый мужчина, который сможет достойно оценить её невинность. Он должен быть женат. Так проще. Кира хотела открыть свой салон красоты, она пока не знала, как ведётся бизнес, но цель была сформулирована уже чётко. Она решила, что мужчин нужно использовать по полной.

Кира листала соцсети Алины. Там полно фотографий с отдыха, с праздников, дней рождений. Она рассматривала её окружение. Искала в интернете её отца и с кем он общается. Читала про них официальную информацию и сплетни. Алина ей нужна была как входной билет в место, где есть нужный

ей человек. И она нашла. Теперь нужно было познакомиться и произвести нужное впечатление.

Всеми правдами и неправдами Кира попала на день рождения Алины в дом её родителей. Она знала, что он будет среди гостей и будет без жены. Кира надела новое платье, распустила волосы и отправилась покорять новый мир.

Она нашла его среди гостей быстро. Сергей Миронович сидел за столом на террасе в расстёгнутом пиджаке, галстук он ослабил ещё в начале вечера. Он держал в руке бокал и слушал какого-то мужчину, но смотрел не на него, а по сторонам, туда, где стояли молодые девушки. Взгляд у него остановился на Кире. Она мило улыбнулась, слегка провела рукой по волосам и застенчиво прикусила губу.

— Ты подруга Алины? — спросил он, подойдя через несколько минут. Голос низкий, спокойный. Плечи широкие, под рубашкой угадывается крепкая, спортивная фигура, на запястье дорогие часы. Пахло от него коньяком и парфюмом.

— Да, — Кира посмотрела на него своими большими голубыми глазами и мило улыбнулась.

— Ясно. — Он позвал официанта, взял с подноса бокал и протянул ей.

Кира взяла, но не стала пить.

— Не пьешь?

— Нет, — невинно ответила Кира.

— А сколько тебе? — спросил он.

— Восемнадцать.

Всё вышло, как нужно: он загорелся Кирой. В тот вечер они ещё немного поговорили, познакомились.

На следующий день он написал ей сообщение, и они встретились в ресторане, который был арендован только для них двоих, чтобы никто не увидел. Сергей был добр и почтителен с ней. Своим видом и поведением Кира давала понять, что Сергей идеальный мужчина, чтобы стать её первым. Он поплыл. Когда Сергей подвозил её, она рассказала ему о своей мечте открыть салон красоты. Говорила она чётко и нежно.

— Ты очень красивая, — сказал он позже, без улыбки, серьёзно. — Я тебя увидел среди всех и весь вечер потом искал тебя глазами. — Кира изобразила смущение и теребила скромную кофточку. Он оглядел её наряд. — Я тебя одену. Мне хочется сделать тебе приятное. И не спорь, пожалуйста.

Кира и не спорила, только застенчиво улыбалась.

Первый раз случился у него в квартире, которую он снимал, видимо, для встреч с любовницами. Кира решила это заранее и шла туда, как на экзамен, с заученными словами. Он был осторожен и нежен. Держал за руку, гладил по волосам, а после лежал рядом и говорил без остановки, а она слушала и смотрела преданными глазами. Ему, кажется, важнее всего на свете было, что она выбрала его. Сорокадевятилетний мужчина с двумя фирмами повторял: «Я счастлив, что ты выбрала меня». А она лежала и думала, что всё оказалось

проще, чем она представляла, и что теперь у неё будет всё, что она хочет.

На следующий день он позвонил днём и сказал, что не спал всю ночь и что она его с ума свела. Голос у него при этом был счастливый. И понеслось: красивая одежда, обувь, украшения, вкусная еда. Квартиру Сергей Миронович снял ей в первую же неделю.

— Я не хочу, чтобы ты жила в этом убогом районе, — сказал он, а Кира играла роль скромной и благодарной девочки. — Ты девчонка с головой, я это сразу понял. Тебе надо заниматься собой, в салоны ходить, смотреть, как это делается. Ты сказала, что хочешь открыть свой. Вот и смотри в оба, я в тебя верю, — сказал Сергей по-отцовски, как ей показалось.

Квартира была в новом доме, с лифтом и консьержем, с белым кухонным гарнитуром. Кира вошла и остановилась в дверях, потому что в этом доме не пахло ничем. Ни борщом, ни утюгом, ни сыростью. Только свежесть.

— Нравится? — спросил он.

— Спасибо, ты лучший в мире!

Он тогда взял её руку и поцеловал в ладонь, и Кира трепетала от счастья.

Она просила у него советов по открытию салона, устроилась на подработку в один салон администратором. Всё узнавала и впитывала информацию как губка. Кира была хваткая и способная, она понимала, что долго с ней Сергей встречаться не будет. Или надоест, или жена узнает, поэтому мед-

лить было нельзя.

Когда Сергей попытался отложить открытие её салона, она намекнула ему, что ей на самом деле семнадцать. И он сделал, как она хочет.

Первое время Кира говорила маме, что устроилась на хорошую подработку, прилично платят. Оттуда и новые вещи. Мама верила или делала вид, что верит.

Лика увидела их случайно. Она шла от метро с коляской, в которой спал её сын, и у кафе на углу стояла чёрная машина, возле неё Кира, в светлом платье и с пакетами, и мужчина. Он открыл ей дверцу, взял за локоть, потом за талию, ниже талии, и Кира засмеялась и что-то ему сказала. Затем поцеловала его. На руке у него было обручальное кольцо.

Лика пришла к матери в тот же вечер. Кира приехала через час, с коробкой пирожных, довольная, загорелая, и ещё с порога сказала: «Мам, я в субботу не приду, у меня дела». Лика сидела на табуретке у окна и ждала.

— Я тебя видела.

— Ну и что?

— С ним. У кафе. — Лика смотрела на неё снизу вверх и не узнавала. — Он же старый, Кира. Он в отцы тебе годится. У него кольцо на пальце.

Кира поставила коробку на стол и сняла босоножки, по одной, аккуратно, и только потом ответила.

— Я знаю, сколько ему лет. И что он женат, тоже знаю, у него кольцо. Я не слепая.

— Ты с ним спишь за деньги.

— Скорее мы помогаем друг другу. Я получаю своё, а он своё.

В кухне стало тихо. У Ксении в руках была чашка, и она сжимала её обеими руками и молчала.

— Кира, — сказала она. — Он женат?

— Женат, мам. — Кира не опустила голову, а наоборот, подняла подбородок выше.

— Ты понимаешь, что ты делаешь? — Мама была шокирована.

— Понимаю. — Кира села напротив, положила локти на клеёнку и посмотрела на мать прямо. — Я понимаю всё лучше вас обеих. Я в этой кухне выросла, я спала на той узкой старой кровати, я в школе ела один пирожок, чтобы в животе не урчало, я донашивала вещи за сёстрами. Ты думаешь, я не понимаю, как ты считаешь копейки до зарплаты? Как ты у всех занимаешь, чтобы нас кормить и платить за эту убогую квартиру? Как папа ушёл и первый твой тоже ушёл, а ты осталась с нами и с долгами?

— Не смей про мать, — сказала Лика. Её ноздри расширились от гнева.

— Я не хочу так. Я не хочу так, как вы. — Кира обвела рукой кухню, занавеску, банки, клеёнку. — Ты вышла замуж за первого, кто позвал, — Кира посмотрела на Лику, — и думаешь, что у тебя всё хорошо?

Ксения поставила чашку. Она не повысила голос, она во-

обще никогда не повышала голос, и от этого было хуже.

— Я вас растила не для этого, — сказала она. — Я не учила тебя такому, Кира.

— Ты меня не учила вообще ничему. Ты работала. — Кира сказала это ровно, без зла, потому что это была правда, в которой никто не был виноват. — Ты приходила в девять, горбатилась на кухне и падала спать.

Ксения отвернулась к плите. У неё дрожали плечи, и она стала тереть тряпкой уже чистую конфорку.

— Уйди, — сказала Лика. — Уходи отсюда, маленькая шлюшка.

Кира встала. Постояла немного. Потом пошла в комнату и вернулась с сумкой: спортивная сумка, в неё вошли вещи, которых у неё было не так уж много.

— Я вам буду звонить, — сказала она у двери. — Мам. Ты слышишь. Я буду звонить, не волнуйся.

Ксения не обернулась. Она тёрла конфорку и плакала. Кира ушла. Дверь за ней закрылась тихо, не хлопнула, и от этой тишины у Лики всё сжалось внутри.

В восемнадцать лет Кира открыла свой первый салон. Не самый большой, на первом этаже жилого дома, но зато в её собственности. С Сергеем они встречались ещё несколько месяцев и мирно расстались. После него был Юрий Львович, у него были рестораны, жена и любовница. Был ещё Аркадий, который плакал ей в плечо и говорил, что жена его не понимает. Кире было двадцать два, когда она поняла, что

может жить дальше без помощи мужчин. У неё была квартира, машина, два салона, и все эти мужчины уже ничего не решали.

И вот она познакомилась с Мишей, молодым человеком из состоятельной семьи. Он симпатичный, добрый и скромный. Это было в ночном клубе. Она сама не поняла, как они разговорились. Кажется, он подвинулся, чтобы ей не мешал кто-то с подносом, и извинился, хотя был не виноват.

На третьем свидании, когда они ели мороженое на набережной у его машины, он взял её за руку и сказал, что он, кажется, влип, и извинился за формулировку. Кира засмеялась, ещё не осознавая, что тоже влипла.

Бабочки трепетали у неё в животе. Она проверяла телефон каждые пять минут и злилась на себя за это. Один раз, глядя, как он вытирает салфеткой её туфлю, испачканную в чём-то на ступеньках ресторана, она почувствовала, как по всему телу прошла дрожь, и поняла: всё, приехали. Она влюбилась. Впервые за всё это время по-настоящему, без расчёта.

***

На кухне у мамы было уже темно, на столе светила лампа. Кира открыла глаза и посмотрела на Женю, которая смотрела на неё.

— Ты чего? — спросила Женя.

— Ничего. — Кира отставила недоеденный эклер и вытерла пальцы. — Я говорю, я в семнадцать всё правильно

решила. И знаешь, что? Не будем грустить. Ведь я выхожу замуж!

— Кир, я надеюсь, это твой правильный выбор.

— Жень. Я за это время знаешь сколько людей узнала? Я насквозь вижу. — Она встала, взяла с подоконника ключи от машины. — Он хороший. Он правда хороший.

В прихожей зазвонил телефон. Кира достала его из сумки, посмотрела на экран и, прежде чем ответить, показала Жене, кто звонит. На экране было «Миша». Кира приложила трубку к уху и пошла в прихожую.

— Да, милый. Да, я у мамы. Всё хорошо, я сейчас поеду. — Она помолчала и засмеялась. — Нет, я не одна, тут Женя. Да, та самая моя строгая сестра. — Кира улыбнулась.

Женя смотрела в свою чашку и снова вспомнила Назара. Его руки на руле, его запах, его уверенный взгляд. А потом девиц в классных платьях, которые крутились вокруг него, и то, как он заигрывал с ними. Она злилась на себя за мысли о нём.

Сёстры попрощались. На прощание Женя сказала:

— Милая, я тебя очень люблю. Помни это. И Лику тоже. — Она обняла сестру.

— И я тебя. А вот Лику не очень! Она дурочка.

Женя в очередной раз поняла, что ссоры сестёр не закончатся: они как кошка с собакой.

Глава 2

За три дня до этого.

Платье Женя выбирала целый вечер. Чёрное, по фигуре, с открытыми плечами, оно висело на дверце шкафа и в темноте казалось ещё чернее, чем было. Она купила его в прошлом году на свадьбу коллеги и надевала один раз. Теперь оно сидело иначе, и Женя стояла перед зеркалом в прихожей, поворачивалась боком, подтягивала молнию и думала, что зря не взяла тогда серое. Она нервничала, не чувствовала себя в этом платье уверенно, а покупать другое было уже поздно.

Волосы она забрала в тугой хвост, накрасила ресницы, нанесла румяна и ярко алую помаду, потом стёрла её и заменила на менее яркую. Мама говорила: не выставляйся. Кира сказала бы другое.

Кира и позвала её в клуб. Недавно Миша сделал Кире предложение. Кира позвонила на следующий день, и голос у неё был не такой, как всегда: тише и нежнее. Она сказала, что беременна. Потом замолчала, а когда заговорила снова, Женя услышала, что она плачет и смеётся одновременно.

— Ты понимаешь? Я даже не думала, что могу так хотеть ребёнка, — говорила Кира. — Я думала, мы с Мишей ещё погуляем без детей. Да вообще не думала о детях. Но так получилось.

Миша, по её словам, плакал. Она хохотала в трубку. По-

том сказала, что свидетелями они берут Женю и Назара, друга Миши, и что обсуждать это она не будет.

— Я его не знаю, — размышляла вслух Женя.

— Вот и познакомишься. Мы идем в клуб, — быстро выпалила Кира.

— Кир, ты же знаешь, я не особо люблю дискотеки, — со слабой надеждой отвертеться сказала Женя.

— Жень. Ну пожалуйста. Мне надо, чтобы рядом был хоть один родной человек.

На этом разговор закончился.

Клуб был в центре, за тяжёлой дверью с новомодной вывеской. На входе стояла девушка с планшетом, посмотрела в список, потом на Женю, потом снова в список и отступила в сторону. Это считалось элитным заведением, и абы кто сюда не захаживал. Внутри было темно и громко. Потолок терялся где-то наверху, под ним на длинных шнурах висели лампы, и света от них хватало только на то, чтобы блестели бутылки за баром. Бар тянулся вдоль всей стены: тёмное дерево, полки, подсвеченные снизу, и бармен в белой рубашке, который перебрасывал шейкер из руки в руку. Пахло духами, сладкими напитками, лимоном. В глубине был танцпол, там ходили лучи света, от которых люди двигались медленнее, чем музыка. Официант нёс почти над головами поднос с шампанским, за одним столом смеялись так громко, что было слышно через зал, кто-то снимал на телефон, как девушка в блестящем платье с глубоким декольте танцует на диване.

На диванах сидели девушки в коротких платьях и модной обуви, все с прямыми спинами, все с бокалами. За столами сидели парни в рубашках без галстуков, с дорогими часами на запястьях, и разговаривали так, будто они самые важные люди на планете.

Женя прошла через зал, и ей показалось, что все смотрели на неё с вопросом: «Не ошиблась ли она дверью?»

Кира махала Жене рукой из-за стола у стены. Она сидела в светлом платье, волосы волной, на губах блеск, и рядом с ней Миша, в тёмном костюме, с расстёгнутым воротом. Миша встал, поцеловал Женю в щёку, сказал, что рад, что она пришла. За столом были ещё трое: парень в очках, который сразу уткнулся в телефон, девушка с длинными ногтями, которая смотрела на Женю с вежливым любопытством, и ещё один молодой человек, который разговаривал с официантом.

— Садись, — сказала Кира и подвинула стул. — Ты чего такая?

— Какая?

— Как на экзамен. Напряжённая.

Женя слегка улыбнулась. Кира, наоборот, была в своей тарелке и выглядела так, будто этот клуб построили вокруг неё.

Миша притянул её к себе, сказал что-то на ухо, и Кира засмеялась и тоже что-то сказала ему. Он поцеловал её в шею, у самого уха, потом в уголок губ, потом в губы, и она положила ладонь ему на затылок, будто они были в этой комнате

одни. Потом положила голову ему на плечо и стала водить пальцем по его рукаву. Женя отвернулась. Смотреть на них было почему-то неловко, как смотреть в чужое окно.

— Слушайте, а где Назар? — спросил парень в очках, впервые оторвавшись от телефона.

Миша посмотрел в сторону бара.

— Вон он. Идёт.

Женя повернула голову. Он шёл от бара, высокий, брутальный, в чёрной рубашке, рукава закатаны до локтя, тёмные волосы, широкие плечи, и под рубашкой угадывалось тело человека, который не просто знает, где находится спортзал, а пропадает там часами. Шёл не спеша, здороваясь почти с каждым на пути, как с хорошим знакомым. Перед ним шла девушка в красном, оглянулась, что-то сказала, и он улыбнулся ей в ответ, коротко, как своей.

Мимо прошёл официант с пустым подносом, притормозил:

— Назар, добрый вечер. Как обычно?

— Не сегодня, — сказал Назар, не останавливаясь. — Я за рулём.

Официант кивнул и пошёл дальше. Женя посмотрела ему вслед.

— Назар, — окликнул его Миша.

Он подошёл к столу, пожал руку Михаилу и парню в очках, кивнул Кире. Миша представил:

— Это Женя, сестра Киры.

Назар посмотрел на неё. Глаза у него были чёрные, и смотрел он долго, ровно столько, чтобы это заметили все за столом. Женя почувствовала, как у неё по рукам прошёл холод, потом жар.

— Очень приятно, — сказал он и протянул ей руку.

Она пожала. Рука была сухая и тёплая, и он держал её на секунду дольше, чем нужно, а потом подмигнул. Просто, обыденно, как подмигивают подружкам. Женя слегка закатила глаза.

— Кир, а он всегда такой наглый?

Кира улыбнулась:

— Всегда. И вы будете свидетелями, — сказала Кира громко, чтобы Назар тоже услышал. — Женя и Назар. Решено.

Назар посмотрел на Киру, потом на Женю и улыбнулся.

— Я? — спросил он.

— Ты.

Он сел на диван напротив Жени, взял бокал и сказал:

— Ну, за свидетелей!

Женя тоже подняла бокал, но сделала только глоток.

Она почти не пила алкоголь. В бокале у неё был сок, кислый, с мятой. Миша обнимал Киру за плечи и что-то говорил ей на ухо, Кира смеялась и откидывала голову. Девушка с ногтями рассказывала про какой-то отель в Дубае, парень в очках иногда отрывался от телефона и комментировал.

Назар сидел, откинувшись на диван, вытянув руку вдоль

спинки. Он не пил сегодня алкоголь, был за рулём. К нему периодически подходили девушки, здоровались. Девушка в красном подошла снова, наклонилась, сказала что-то на ухо, он улыбнулся и покачал головой. Она ушла, обиженно дёрнув плечом. Через пять минут на её месте сидела другая, с короткой стрижкой, и Назар наливал ей из бутылки, которую принёс официант.

«Как противно. Казанова хренов!» — подумала Женя и отвела глаза. Назар заметил, как она сморщила нос и вздохнула.

— Жень, пошли! — Кира встала и потянула её за руку на танцпол. — Одна песня, я тебя умоляю.

— Я не хочу, Кир, — сопротивлялась Женя, но тщетно. Не препираться же при всех.

Танцпол располагался посередине, был наполнен людьми, точнее, почти только девушками, которые выпендривались в танце как только возможно, как показалось Жене. Она стояла и нехотя пританцовывала в такт музыке. Кира танцевала рядом, свободно, красиво, и её светлое платье ловило свет. Миша смотрел на невесту из-за стола и улыбался так, будто ему одному повезло.

Назару было забавно наблюдать за танцем Жени. Она явно была здесь как из другой пьесы.

Через песню девушки вернулись за стол. Назар разговаривал с парнем в очках, но, когда Женя села, перевёл взгляд на неё.

— Ты не любишь танцевать? — спросил он с небольшой издёвкой.

— Не люблю, — огрызнулась Женя.

— Это заметно.

— А ты, я смотрю, всех оцениваешь.

— Я не оцениваю. Я смотрю. — он вальяжно повёл бокалом. — Вон та в синем пытается танцевать так, как будто её снимают. Тот в белой рубашке стоит у стены и ждёт, пока его заметят. Все работают. Одна ты еле притопывала под музыку, — Назар посмеялся.

Женя отвернулась и больше с ним не разговаривала.

К двум часам она поняла, что больше не может и хочет домой. Кира не отпускала: «Ещё полчаса». Миша уже звонил водителю. Назар встал и сказал:

— Я подвезу.

— Не надо, — жёстко ответила Женя.

— Надо, — сказала Кира. — Ты одна по городу в два часа ночи поедешь?

Назар посмотрел на Женю, улыбнулся и кивнул в сторону выхода.

Женя закатила глаза, ей совершенно не хотелось с ним оставаться наедине. Она взяла с дивана клатч, попрощалась со всеми за столом. Когда они шли к выходу, девушки у бара провожали её взглядами. Одна что-то сказала другой, другая усмехнулась. Женя шла, выпрямив спину, и чувствовала эти взгляды затылком.

На улице было свежо и тихо, пахло бензином и ночной прохладой. Назар шёл впереди, к своей большой чёрной машине, и уже взялся за ручку со своей стороны, когда Женя остановилась у пассажирской двери и просто стояла. Он взглянул на неё, потом усмехнулся, вернулся, открыл ей дверь и сделал рукой приглашающий жест.

— Прошу.

— Мог и не открывать, — сказала она, садясь.

— Мог. Но открыл.

В машине было прохладно, пахло кожей и чем-то сладким, и ещё от него самого пахло хорошим парфюмом. Женя села прямо, клатч положила на колени, пристегнула ремень. Пристёгивая ремень, поймала на себе его взгляд. Она посмотрела на Назара, он нагловато улыбнулся, отвернулся, нажал на кнопку, и машина тихо завелась.

— Куда?

— На Кировскую, — ответила Женя.

Он кивнул, и они поехали. Назар негромко включил музыку. Женя осмотрела машину. Внутри было идеально чисто, приборы подсвечивались приятным светом, стояла бутылка с водой без этикетки. Женя чувствовала себя в этой машине не в своей тарелке, и в то же время внутри волнительно щекотало. Она подумала, что любая девушка, оказавшись в такой машине с этим красавцем, захочет здесь побывать снова и снова. И не просто побывать, а заняться с ним... — Так, стоп, — остановила свой поток мыслей Женя. От мыслей её

бросило в жар.

— Кем ты работаешь? — спросил он через минуту. Она не сразу услышала вопрос, и он переспросил.

— Я бухгалтер.

— Понятно, — Назар поднял брови.

— Что понятно?

— Что ты считаешь чужие деньги и не тратишь свои.

Женя отвернулась к окну. «Дорожка будет долгой. Спокойствие, Женя, спокойствие», — говорила она про себя.

— Кира сказала, у тебя ипотека, — сказал он.

— Кира много чего говорит. — А про себя подумала, что он наверняка ничего не знает про ипотеку.

— Кира не всегда довольна моим поведением, - весело сказал Назар.

— Почему?

— Она думает, что я могу плохо повлиять на Мишу, потому что свободен и любвеобилен! — Он усмехнулся. — Мы с Мишей дружим с института. Я его в первый месяц учёбы затащил в клуб, и он там влюбился в девушку, из-за которой чуть не вылетел.

Женя, сама того не желая, улыбнулась:

— Она права.

— Вот и ты туда же.

Он вёл машину одной рукой, вторая лежала на подлокотнике. Какое-то время ехали молча. Он смотрел на дорогу, она смотрела в окно, на закрытые магазины, на светофоры,

на людей, которые шли по тротуару.

На светофоре он вдруг спросил:

— Ты всегда такая зажатая?

Женя смутилась, не зная, как лучше ответить на его вопрос. Конечно, ей неприятно было от того, что он считает её такой. А с другой стороны, какое ей дело, что он считает.

— А ты всегда такой наглый? — ответила она вопросом на вопрос.

Он снова замолчал и снова посмотрел на дорогу. Потом бросил взгляд в её сторону и задержал его на её коленях, на руках. Женя заметила и интуитивно поправила платье.

— Не волнуйся, — сказал он. — Я на тебя не претендую. Ты не для секса, сразу говорю, чтобы ты не сидела тут такая напряжённая.

Женя повернулась к нему с широко открытыми глазами.

— Что?!

— В смысле, я к тебе не пристаю. Можешь расслабиться. Ведь ты сестра невесты моего друга. Не буду тебя обижать.

— А с чего ты взял, что ты меня заинтересуешь?

Назар усмехнулся:

— Не было ещё ни одной, кто не заинтересовался. Сама понимаешь, — он свободной рукой показал на себя, имея в виду, что он такой классный.

— Знаешь, я сразу пожалела, что с тобой поехала. Твоя манера общения раздражает. Успокойся, глупые перекачанные парни меня не возбуждают!

— О, как! — Назар посмеялся. — Наконец-то ты начинаешь показывать себя.

Машина шла по пустой дороге. На повороте он резко взял вправо, и с приборной панели соскользнул телефон, упал в ноги Жене. Он наклонился, не останавливаясь, рукой нащупал его у её ноги, и его ладонь на секунду легла ей на лодыжку. Женя снова почувствовала внутри приятную дрожь. Телефон почти достал телефон как раздался звонок. Прежде чем Назар перевернул экран, Женя успела увидеть слово «Инга» и фотографию: девушка в тёмных очках, с бокалом в руке, улыбается.

— Извини, — сказал он без всякого извинения в голосе.

Она отодвинула ногу и слегка прикусила нижнюю губу. Ей не нравилось то, что он ей интересен.

Телефон зазвонил снова. Назар посмотрел на экран, и Женя увидела то же имя. Он сбросил вызов и положил трубку в карман.

— Не берёшь? — спросила она.

— Не сейчас.

Через минуту телефон зазвонил опять. На этот раз он ответил, весело:

— Да. Нет. Я подвезу тут подругу и, может, заеду к тебе в ресторан. Да, в тот. Минут через сорок.

Женя закатила глаза.

— «Подругу», — повторила она, когда он отключился.

— А как надо?

На светофоре он повернул голову и посмотрел на неё. Не на платье, не на колени, а в глаза. Женя смотрела в ответ, и от этого взгляда у неё в груди стало тесно. А он, глядя в её голубые глаза, которые блестели от света в машине, не хотел отводить взгляд. Что-то в нём дрогнуло, она увидела это, как видят тень на воде. Он тоже это почувствовал и удивился.

Он отвёл глаза первым.

— Так, — сказал он. — Давай договоримся. Мы с тобой будем свидетелями, значит, будем видеться часто теперь. Давай будем друзьями.

— Что? Не думаю, что ты умеешь дружить, — покачала головой Женя.

— А что? У меня нет подруг. Сама понимаешь, как я обычно дружу с девушками, — он провёл рукой по губам, потом потёр колено. Женя, наблюдая за этим жестом, ещё больше начинала дрожать внутри. — Ты будешь первая.

— Зачем тебе это? Нам не обязательно общаться, раз бесим друг друга.

— Ну, брось, Женя. Мой лучший друг женится на твоей сестре. Нам нужно общаться, — Женя посмотрела на него, он на неё, и улыбнулся. Он изобразил просящего кота. Женя рассмеялась. — И не волнуйся, кровать предлагать не буду.

Женя сменила улыбку на строгое выражение лица. Но она не хотела показывать, что он ей интересен, не хотела доставлять ему такого удовольствия.

— Конечно, для этого у тебя есть куча пустышек, — яз-

вила Женя.

Они приехали, машина остановилась.

— Спасибо, что подвёз, — сказала она.

— Ага, — сказал он. — Ну что, друзья? — Назар посмотрел в её глаза, взгляд скользнул на её приоткрытые губы. Он тут же осекся и улыбнулся.

— Попробуем! — Женя изобразила улыбку и взялась за ручку двери.

— Номер давай, — сказал он.

— Зачем?

— Друзья иногда созваниваются, — шутя ответил Назар. — Диктуй.

Она продиктовала. Назар записал, нажал на кнопку вызова, и в её клатче заиграло.

— Всё, — сказал он. — Теперь ты в моей власти.

— В твоей власти я уже была. Полчаса, в закрытой машине, мастер шуток, — теперь шутила она.

— И ничего не случилось, — заметил он. — Подумай об этом.

Женя закатила глаза, цокнула и вышла из машины.

Когда она шла к подъезду, спиной чувствовала, что он смотрит. Дверь подъезда была стеклянной, и на секунду ей показалось, что он махнул рукой, но она не обернулась.

Машина стояла, пока она не зашла.

Дома Женя заперла дверь на два оборота, сняла платье и повесила его на спинку стула. В квартире было тихо, холо-

дильник гудел, за окном светил фонарь. Она умылась, почистила зубы, посмотрела на себя в зеркало. Глаза блестели, губы были красные, и всё лицо было чужое, взбудораженное.

— Дура, — сказала она себе.

Легла. Одеяло было холодное, подушка казалась неудобной. Она повернулась на один бок, потом на другой, потом на спину. В голове шёл этот разговор: «Ты не для секса. Можешь расслабиться». Скажите пожалуйста. Как будто она о чём-то просила. Как будто ей это нужно. И его рука на ноге. Женя натянула одеяло до подбородка и зажмурилась. «Думает, что ему всё можно. Все ему можно, да. Приедет, уедет, пошутит, подмигнёт». Она вспомнила, как он смотрел на неё на светофоре. Долго, спокойно, без улыбки. И как он первый отвёл глаза. Она злилась на себя за то, что думает о нём. За то, что вспомнила, как он пахнет. За то, что ей понравилось, как он вернулся и открыл ей дверь машины. Уснула она под утро, когда за окном уже рассвело.

***

Назар ехал обратно по пустому центру. На Садовом горел жёлтый, потом зелёный, и он шёл на зелёный, не снижая скорости. В машине ещё держался её запах, что-то простое, духи и что-то от волос.

Позвонила Инга.

— Ты где? — спросила она без предисловий.

— Еду.

— К кому?

— Домой.

— Я тебя жду.

Он помолчал.

— Инга. Я не приеду.

— Ты всегда так говоришь.

— Я всегда так и делаю.

— Назар.

— Что?

Она вздохнула в трубку, и он почти увидел, как она откидывает волосы.

— Ну как хочешь, — обиженно сказала она.

— Да, как хочу.

Он отключился.

С Ингой было просто. Она была из их круга, её отец дружил с его отцом, они знали друг друга с четырнадцати лет, и между ними не было ничего серьёзного. Она звонила, он приезжал. Иногда она оставалась до утра, иногда нет. Он ни разу не думал, что из этого что-то вырастет, а его мать думала, что Инга хорошая партия.

Он вспомнил Женю и улыбнулся.

«Не для секса», — сказал он ей, и она так посмотрела, будто он её водой окатил. А потом стала отвечать, колко, зло, быстро. Ни одна из его знакомых девушек так не отвечала. Они обижались и тут же сами подлизывались, уходили и писали потом сообщения первыми. Эта сидела гордо и не отводила глаз, когда смотрел. Он уважал девушек, несомнен-

но, но, так как по-настоящему не влюблялся, заменял любовь сексом без привязанности. У него появлялся спортивный интерес добиться девушку, а после интерес пропадал.

Посёлок, где был дом родителей Назара, был за городом, у шлагбаума охранник узнал машину и поднял створ. Дорога шла между соснами, мимо высоких заборов, за которыми виднелись крыши соседних коттеджей. Их дом стоял в конце, за широкими воротами: три этажа, тёмное дерево, стекло в пол, на первом свет не погашен.

Он поставил машину и пошёл к дому. В саду пахло хвоей, работали маленькие фонари у дорожки, где-то журчала вода в бассейне.

В гостиной горел камин и одна лампа. Мама сидела в кресле, поджав ноги, в пледе, и держала бокал, в котором уже ничего не было.

— Ты чего не спишь? — спросил он.

— Ждала тебя.

Он сел на диван напротив.

— Что-то случилось?

— Отец разговаривал с тобой?

— Нет.

— Он сегодня зол. Сказал, что тебя не было в офисе уже несколько дней.

— Ну и?

— Он рвал и метал.

— Пусть рвёт, — спокойно сказал Назар.

Яна Сергеевна поставила бокал на столик.

— Назар. Он твой отец, и ты должен его слушать, — спокойным тоном сказала она. — Зачем ты делаешь ему назло? Зачем выводишь его? — Яна вопросительно смотрела на сына.

Он молчал.

— Сколько можно, — сказала она тихо. — Ты умный. Ты можешь работать не хуже него. Только захотеть.

— Я не хочу работать под его руководством. Мы не сходимся во взглядах. — Назар наклонил шею влево, потом вправо, раздался хруст.

— А на кого ты хочешь?

Он ничего не ответил. Она вздохнула и взяла бокал снова, хотя он был пустой.

— Ты виделся с Ингой?

— Нет, — Назар вздохнул.

— Она хорошая девочка. Из хорошей семьи.

— Мам.

— Что «мам»? Я тебе плохого не желаю.

— Мы иногда спим, вот и всё.

— Назар!

— А что? Ты спрашиваешь, я отвечаю как есть. Не хочешь слушать, не задавай таких вопросов.

Яна поджала губы и посмотрела на огонь.

— Мне не нравится, когда ты так говоришь.

— Я говорю как есть. Устал, пойду спать. Чего и тебе со-

ветую.

Он встал и пошёл наверх в свою комнату.

Яна осталась в кресле. Она смотрела на огонь, и лицо у неё было усталое, без той уверенности, с которой она днём разговаривала по телефону и отдавала распоряжения. Она подтянула плед к самому подбородку.

Когда-то всё было иначе. Она выходила замуж, когда у неё не было ничего, за мужчину, у которого было всё, и думала, что это и есть счастье. В первые годы он держал её за руку под столом. Привозил цветы без повода. Однажды ночью, когда она не могла уснуть, он встал и принёс ей тёплого молока.

Она уже не помнила, когда это закончилось. Может, когда родилась Мира, может, когда построили этот дом. Теперь он приходил поздно, разговаривал по телефону в кабинете, а в гостиной сидел напротив, глядя в телевизор и не смотрел на неё. Иногда ей хотелось просто, чтобы кто-нибудь взял её за руку. Никто не брал.

Она думала об Инге и о сыне и понимала, что делает то же, что когда-то делали с ней: решает за него, как ему будет хорошо. И всё равно не могла остановиться.

Назар закрыл дверь своей комнаты, расстегнул рубашку, снял её и бросил на кровать. Тихо включил музыку и пошёл в душ.

Он стоял под душем и смотрел, как вода уходит в слив. Тело было тяжёлое от долгого дня, в голове шумело. Вода

текла по плечам, по спине, по рукам. Он откинул голову, и вода побежала по лицу, по шее, по груди. Волосы прилипли ко лбу и к вискам, чёрные, тяжёлые от воды, и он убрал их назад ладонью. В зеркале, затянутом паром, отражались только плечи и тёмное пятно головы. Он провёл рукой по груди, по животу, и на коже остались дорожки от воды. Тело было крепкое, сухое, без лишнего, плечи шире, чем у большинства его знакомых, и он знал это, как знал про свою обольстительную улыбку и про свой бархатистый голос, который так нравится девушкам.

Он вдруг вспомнил, как она сказала: «А ты всегда такой наглый?»

И улыбнулся прямо под струей воды. Он закрыл глаза, и всплыло воспоминание её взгляда, её голубых глаз. Он открыл глаза, вздохнул, потом нахмурил брови. Он заставлял себя не думать о ней. Он не хотел ни о ком думать.

***

Женя проснулась в десять и не сразу поняла, где она. В комнате было жарко, окно закрыто, вентилятор выключен. Сначала она подумала, что всё это ей приснилось. Потом вспомнила руку у своей лодыжке и «ты не для секса, можешь расслабиться», и зарычала в подушку.

Зазвонил телефон.

— Жень, привет. — Голос у Лики был бодрый, слишком бодрый для человека, который встал в семь. — Ты сегодня свободна?

— Не знаю. А что? — ещё сонным голосом медленно спросила Женя.

— Пойдём в парк. Дети засиделись, Ванька уже выздоровел, а Нина с утра ревёт. Часа на два, не больше.

— А Роман?

— Рома на работе.

«В воскресенье на работе!» — подумала Женя и посмотрела на часы.

— Давай, — сказала она. — В двенадцать у входа.

В парке было шумно. Работали фонтаны, пахло жареными чебуреками и скошенной травой, на асфальте у входа стояли велосипеды и самокаты. Лика ждала у ворот с коляской, в которой лежали пакеты, вода и мяч.

Она немного похудела. Женя заметила это сразу, ещё издалека: джинсы сидели свободнее, лицо стало тоньше, под глазами тени. Волосы собраны в хвост, футболка простая, серые кроссовки.

— Ты чего? Так смотришь на меня, — спросила Лика.

— Ничего. Ты похудела.

— Да ну. — Лика дёрнула плечом. — Просто то один болеет, то второму внимание нужно, некогда нормально поесть, забегалась.

Женя понимала, что у сестры что-то происходит, но та не хотела рассказывать.

Ваня уже уехал на самокате вперёд и кричал оттуда, чтобы его подождали. Нина шла за руку, в жёлтом платье и сан-

далиях, и несла пластмассовое ведро. Женя потискала её и взяла на руки.

— Мам, а мы пойдём на горку? — спросила она.

— Пойдём, — сказала Лика. — Сначала дойдём до скамейки.

Сели у детской площадки. Ваня полез на горку, Нина пошла в песочницу, Лика достала воду и открутила крышку, глотнула.

— Как дела? — спросила она.

— Да всё нормально. Работа, работа, сейчас отчёты. Скоро отпуск. Жду его. Как у тебя?

— Нормально. Всё как всегда. Сейчас Ваня поправился, и стало легче. У Ромы много работы, приходит поздно. — Лика прищурила глаза и теребила рукав кофты.

— Лика, точно всё нормально? Может, нужна помощь?

— Нет, всё нормально. Просто бывают тёмные полосы, а потом светлые.

Женя вздохнула:

— Ты знаешь, что всегда можешь обратиться, я помогу.

— Да, знаю. Спасибо, — Лика улыбнулась сестре. — Чем вчера занималась?

— Была на вечеринке, — сказала она. — Кира в клуб приглашала.

Лика помолчала. Потом сказала:

— Ясно.

И больше ничего не спросила. Не спросила, как Кира, что

она надела. Просто сидела и смотрела, как Ваня съезжает с горки.

Женя ждала вопроса. Не дождалась.

— Он хороший, этот Миша, — сказала она, чтобы хоть что-то сказать.

— Ну, раз хороший, то флаг в руки ей.

Нина подбежала с полным ведром песка и высыпала его на асфальт.

— Мам, смотри, пирог!

— Красивый, — сказала Лика. — Молодец.

— Там ещё был друг Миши, — сказала Женя. — Назар. Он подвез меня домой.

— И как он? — Лика посмотрела на сестру. Глаза Женю выдавали.

— Самодовольный, невыносимый тип, — сказала Женя. Лика усмехнулась.

— У мамы нужно цветы полить, пока она у тёти. Давайте завтра вечером соберёмся у неё? Лика пожала плечами.

— Давайте.

Ваня звал Лику, чтобы она посмотрела, как он висит на перекладине. Она пошла к нему, и Женя смотрела ей в спину и думала, что Лика похудела не из-за того, что некогда есть.

Через час они пошли к выходу. Нина устала и ехала на самокате, которого испугалась утром, а теперь не отдавала. Ваня шёл рядом и рассказывал, что у него в садике будет спортивный праздник, и что ему нужны кроссовки с липуч-

ками, а не с шнурками.

— Купим, — сказала Лика.

— Когда?

— Скоро.

У метро они остановились.

— Тогда до завтра, — сказала Лика и обняла Женю.

— Хорошо, — Женя потискала детей и пошла в другую сторону.

Телефон зазвонил, когда она спускалась в метро. Номер был незнакомый.

— Да?

— Привет, подруга, — сказал Назар. — Это я.

— Откуда у тебя мой номер?

— Ты вчера продиктовала. У тебя с памятью проблемы?

Женя поднялась обратно и встала у стены, пропуская людей.

— Что ты хотел?

— Пообедать. Завтра, в час. Я знаю одно место, там тихо и хорошо кормят.

— С чего вдруг?

— Мы друзья. Друзья обедают. — он помолчал. — И мне надо с кем-то поговорить, кто не будет лезть в душу.

— А я не буду. Мне нет дела до твоей души, — пыталась быть безразличной Женя.

— Вот и договорились. Я заеду за тобой.

— Я не сказала «да».

— Ты и не сказала «нет», — ответил он и отключился.

«Вот больной! Уфф!» — подумала Женя и посмотрела на телефон. Номер так и остался без имени, и это почему-то было приятнее, чем если бы она его сохранила.

Глава 3

Женя вышла из офиса без десяти час и встала у входа, чтобы Назар не светил своей машиной перед коллегами. На ней была та же блузка и юбка, в которых она с утра сидела над отчётами, и она пожалела, что не взяла с собой ничего другого.

Назар опоздал на двадцать пять минут.

Она успела достать телефон и написать «я ухожу», когда у тротуара остановилась чёрная машина, и он вышел, не глядя по сторонам, с телефоном у уха.

— Да, я понял, — говорил он в трубку. — Нет, я не хочу это обсуждать. Потому что я так решил.

Он сбросил вызов, увидел Женю и улыбнулся, и лицо у него сразу стало другое, будто он переключил канал.

— Извини. Пробки.

— Двадцать пять минут пробок, — сказала она, недоумевая и бесясь, что вообще стояла и ждала.

— Двадцать пять минут отца.

Женя хотела сказать, что ей всё равно. Но это была неправда. Она простояла у входа двадцать пять минут, и все это время злилась и повторяла про себя, что уйдёт. Но не ушла. Стояла, смотрела, как коллеги выходят покурить и косятся на неё, и делала вид, что просто ждёт машину.

В ресторане он открыл ей дверь, и они прошли в зал.

Ресторан был маленький, с верандой в глубине. Плетёные стулья, широкие зонты, лимонные деревья в кадках, белые скатерти, и пахло не духами и не сладостью, как в клубе, а хлебом и жареным мясом. За окнами шёл обычный московский день: кто-то тащил сумки из «продуктового», кто-то курил у подъезда.

— Назар, добрый день, — сказал официант, который уже шёл к ним навстречу. — Ваш столик свободен, там тень.

— Спасибо, Артём.

Он сел первым, подвинул ей стул сам, без этого своего «прошу». Женя села и подумала, что вчера он был хозяином клуба, а сегодня просто человек, который не выспался и с утра поругался с отцом. Этот нравился ей больше. И злило, что нравится.

— Ты здесь часто? — спросила Женя.

— Я здесь всегда, — улыбнулся он. — Это единственное место, где меня не спрашивают, как дела.

Официант принёс меню в двух экземплярах, но Назар даже не открыл своё.

— Мне то же, что обычно. И ей то же.

— Я сама могу заказать, — возмутилась Женя.

— Можешь. Я не спорю.

— Тогда зачем?

— Потому что здесь хорошо кормят, а ты будешь читать и выбирать то, что дешевле.

Женя закрыла меню и положила его на стол.

— Ты невозможен, — она вздохнула и недовольно откинулась на спинку кресла.

— Да, мне говорят что-то подобное, — невозмутимо ответил Назар.

Женя злилась и в то же время чувствовала что-то неприятно приятное: он решил за неё, как будто точно знал, что ей нужно. Так о ней не заботился никто.

Назар смотрел, как она откладывает меню, и не понимал, зачем вообще её позвал. Врать себе он не привык: стало интересно, что она скажет в следующий раз. И ещё он знал, что с ней не надо ничего изображать, а это было такой редкостью, что он даже не помнил, когда было в последний раз.

Принесли воду и хлеб в плетёной корзине. Он взял кусок, отломил, но не съел, а положил обратно на тарелку.

— Ты всегда с ним так разговариваешь? — спросила она.

— С кем?

— С отцом. Я слышала, как ты говорил, когда подъехал.

— А, это, — он откинулся на спинку. — Почти всегда.

— Как с человеком, который тебе что-то должен.

— А он должен.

Женя подождала, не скажет ли он ещё чего-нибудь. Но он молчал и смотрел мимо неё, на веранду, где у зонта сидела семья с ребёнком.

— Он хочет, чтобы я безропотно работа на него, — сказал Назар наконец. — Не потому, что я хорошо работаю, а потому что я его сын, и это должно быть видно.

— А что видно?

— Что я как он, — Назар сдвинул брови.

Она улыбнулась, а он вдруг стал серьёзным. Назар не собирался говорить про отца. Слова выходили сами, и он слышал, как они звучат. Про то, что было тогда, он не рассказывал никому: об этом знали несколько человек, причем он и отец делали вид, что этого не было.

— А твой? — спросил он. — Ты про отца ничего не сказала.

— А что про него сказать?

— Что-нибудь. У всех есть отец.

— Мой ушёл. Мне было девять. — Женя отпила воды. — И второй мамин тоже ушёл. Так что у нас в семье с отцами не очень. С Кирой мы сводные сестры. Разные отцы.

Он помолчал, и она ждала, что он скажет что-то вроде «бывает» и переведёт разговор.

— Мой никуда не ушёл, — сказал он. — Лучше бы ушёл.

Женя вдруг поняла, что сейчас он не рисуется. Он говорил так, как говорят, когда уже не могут молчать, и от этого у неё в груди что-то сжалось. Ей захотелось спросить, что именно случилось, но она поняла, что нельзя: он и так сказал больше, чем собирался.

Принесли еду: две одинаковые тарелки, что-то с мясом и зеленью, Женя не сразу поняла, что это, но пахло так, что она взялась за вилку раньше, чем он.

— Вкусно, — сказала она с набитым ртом и тут же при-

крыла рот рукой.

— Я же говорю, — довольным голосом произнёс Назар.

Зазвонил телефон. Назар посмотрел на экран, и Женя увидела, что на этот раз на экране было «Мама». Он сбросил и положил телефон экраном вниз.

— Опять не берёшь.

— Она знает, что я на встрече. Я ей утром сказал, что у меня важный разговор.

Женя хмыкнула.

— И что за разговор?

— Ты. Мне надо было как-то объяснить, куда я поехал, — он посмотрел на неё. — Мама думает, что у меня появилась девушка.

— И что ты ей сказал?

— Что это не так.

Женя отложила вилку. Она знала, что это шутка, и всё равно задело. «Ну и ладно. Ну и хорошо. Кто тебя просил вообще». Назар смотрел на неё и понимал, что сказал это нарочно: хотел посмотреть, как она отреагирует. Она отреагировала, и ему стало веселее, чем следовало.

— А что? Ты бы хотела, чтобы я сказал наоборот? — у Жени зарделись щеки.

Она не нашла, что ответить, и это его развеселило. Он налил себе воды, выпил, и в это время сзади раздался женский голос:

— Назар?

Он обернулся, и выражение лица у него опять стало другое, третье за час.

Девушка шла к ним между столами, в тёмных очках, поднятых на макушку, в светлом платье и босоножках на высоком каблуке. Смуглая, с длинными волосами и глубоким декольте.

— Привет, — сказала она и поцеловала его в щёку. Он слегка отстранился. — Ты почему не отвечаешь?

— Занят.

— Вижу. — она посмотрела на Женю, потом на Назара, потом снова на Женю. — Мы знакомы?

— Это Женя. Сестра невесты Миши. Женя, это Инга.

— А, свидетельница, — сказала Инга и улыбнулась шире. — Наслышана.

Она не села. Осталась стоять, положив руку на спинку его стула.

— Ты же в субботу у Миши? — спросила она у Жени.

— Не знаю. Может быть.

— Ну, там и увидимся. — Инга похлопала Назара по плечу и хитро посмотрела на Женю.

Она ушла. Каблуки стучали по полу, и Женя проследила за ней до самой двери.

— В субботу у Миши? — спросила она.

— Знакомство с родителями. Миша что-то говорил утром про ужин. — Назар смотрел на неё.

Женя отодвинула тарелку.

— Значит, эта девушка тоже будет там.

— Инга везде, — с досадой констатировал Назар. - Её отец дружит с моим.

— Ну да. — Женя вытерла пальцы салфеткой. — А ты, значит, тоже.

Он не ответил.

Инга ушла, а запах её духов долго не выветривался. Женя смотрела в свою тарелку и говорила себе, что не ревнует. С чего бы ей ревновать? Они друзья, он сам так сказал. Просто неприятно, когда при тебе так разговаривают, вот и всё. А Назар смотрел, как она складывает салфетку пополам, потом ещё раз пополам, и думал, о чём интересно думает Женя.

Официант принёс счёт в чёрной папке, и Назар даже не посмотрел, сколько там, а просто вложил карту.

— Я тебя подвезу, — сказал он, когда они вышли на улицу.

— Не надо. Тут пешком быстрее дойти.

— Тебе куда?

— На работу.

— Вот я тебя до работы и доставлю. Не спорь.

В машине было прохладно и пахло кожей, и она снова поймала себя на том, что ей нравится здесь сидеть.

— Вы с Ингой? — спросила она, глядя в окно.

— Что «вы с Ингой»?

— Ты понял.

— Было, — он пожал плечами. — просто секс.

— А сейчас?

— А сейчас я тебя везу на работу.

Он засмеялся, и Женя тоже, хотя не хотела. Но ей нужно было показать, что её вопросы просто дружеские. По крайней мере она надеялась, что это так звучит.

У офиса она вышла и сказала:

— Спасибо. Получается до субботы.

— Может быть.

Он уехал первым, а она постояла у входа и нехотя пошла в офис. Позвонила Кира и сказала, что скоро подъедет.

Через час она уже была у офиса Жени и ждала её у входа, с двумя стаканами кофе.

— Ты чего не на работе? — спросила Женя.

— Я и есть на работе. Я сама себе хозяйка! А ты у меня в перерыве, — Кира протянула стакан. — Бери, остынет.

Женя взяла.

— В субботу, — сказала Кира. — В семь. У них.

— У кого у них?

— У Миши дома. Приехали его родители и мать хочет со мной познакомиться. Давно уже собираемся устроить встречу.

— Ты боишься?

Кира посмотрела на неё так, будто Женя спросила что-то странное.

— Я? Нет. Я знаю, что делать. Приду в правильном платье, буду улыбаться и говорить то, что они хотят услышать.

Мать у него из этих, деловая. И чего мне бояться? Я ношу их внука!

Женя рассмеялась. Кира тоже. Они постояли у машины. Мимо прошла женщина с собакой, и Кира проводила её взглядом.

— Ты пойдёшь со мной? — спросила Кира.

— На твой ужин? Меня никто не приглашал.

— Я приглашаю. Миша не против.

Женя отпила кофе.

— Это твои смотрины, а не мои.

— Вот именно, — Кира повернулась к ней. — Мне важно, чтобы ты была рядом.

— Конечно приду, — согласилась Женя.

— Только не в этом, — Кира показала стаканом на её блузку. — Я тебе дам платье.

— Не надо мне никакого платья.

— Надо. Ты моя сестра!

Женя допила кофе и вспомнила.

— А Лике когда скажешь?

Кира помолчала.

— Завтра. Соберёмся у мамы, полить цветы, там и скажу.

— Она будет орать.

— Пусть орёт.

***

К Лике Женя приехала в восьмом часу, с коробкой в руках. Кроссовки с липучками, которые обещала Ване.

Дом у Лики был панельный, девятиэтажка, у подъезда стояла серая машина Романа, а рядом с ней чей-то велосипед. В подъезде пахло сыростью и стиральным порошком, на втором этаже кто-то похоже жарил картошку.

Дверь открыл Ваня в трусах и майке.

— Тётя Женя!

Из кухни тут же:

— Ваня, кто там? Я же просила сначала спросить!

Женя вошла. В прихожей стояла коляска, прислонённый к стене самокат, на вешалке висели куртки, взрослые и детские, и под ними лежал мяч.

Выбежала Нина. Ваня увидел коробку и спросил:

— Это мне?

— Тебе.

— С липучками?

— С липучками.

Он сел на пол и стал рвать картон.

Лика вышла из кухни, в фартуке, с полотенцем на плече, волосы прилипли ко лбу.

— Проходи. Ты будешь есть?

На кухне было жарко. На плите стояла кастрюля, в сковороде жарились котлеты, в чайнике кипела вода, и всё это пахло так, как пахнет у людей, которые весь день что-то готовят.

— Я ела, спасибо, — сказала Женя.

— Чай будешь?

— Буду.

Лика поставила чашку и села напротив, а Женя посмотрела на неё и поняла, что сестра устала: плечи опущены, под глазами тени.

— Как у вас? — спросила Женя.

— Нормально. У Ромы на работе эта история тянется, проверка какая-то. Он приходит поздно. — Лика поправила фартук. — Ваня в садике на празднике стих читал, представляешь? Я боялась, что забудет, а он всё рассказал.

Щелкнул ключ в двери.

— Это папа, — сказала Нина и побежала в прихожую.

Роман вошёл, уставший, в рубашке с закатанными рукавами, сумка на плече. Увидел Женю и сразу оживился.

— О, Женька! Привет. — он поставил сумку, снял ботинки. — Какими судьбами?

— Кроссовки привезла Ване.

— А. Спортивный праздник. — Он посмотрел на Ваню, который уже прыгал вокруг в новых кроссовках. — Ну-ка, покажи.

Он сел на корточки и помог Ване застегнуть липучки. Лика стояла в дверях кухни.

— Ты есть будешь? Я котлеты сделала.

— Я поел. На работе поел.

Он прошёл в комнату и тут же вышел на балкон, с телефоном в руке. Дверь за ним закрылась.

Лика смотрела на сковородку.

— Он допоздна работает и там перекусывает, — сказала она, будто Женя спрашивала.

— Понятно.

Вернувшись, он налил себе воды и сел напротив Жени, сбоку от жены.

— Ну как ты? — спросил он. — Работаешь всё в своей бухгалтерии?

— Работаю.

— И как оно? Аудиторы, отчёты, — он усмехнулся. — Я бы с ума сошёл с этими цифрами.

— Некоторые сходят.

— А отпуск когда?

— Уже очень скоро, — Женя улыбнулась.

— Куда-нибудь едешь или так?

— Пока не знаю.

— В Турцию бы. Мне бы в Турцию, — он отпил воды. — Вот поеду, лягу на пляж и буду молчать неделю.

Лика засмеялась:

— А мы?

Роман посмотрел на часы.

— Ладно, я в душ.

Он вышел. Лика встала и пошла за ним в прихожую, и через минуту вернулась, держа в руках его носки.

— Положил их на кресло, — сказала она. — Он всегда так.

Она бросила носки в корзину. Женя смотрела на неё и ду-

мала, что Роман очень сдержан с Ликой. Видно, что отношения у них натянуты и что он с Женей охотнее общается, чем с женой.

— Мне пора, — Женя встала.

Лика пошла её провожать. В прихожей Ваня сидел на полу и гладил свои новые кроссовки по подошве.

— Ну что, побежали завтра на площадку? — сказал он.

— Побежим, — ответила Лика.

Женя обняла её у двери.

— Лик, ты если что...

— Нормально всё, — сказала Лика. — У нас всё нормально. Просто сейчас сложный период.

На улице было тепло. Женя дошла до метро, достала телефон, и на экране висело сообщение от Киры: «Завтра в семь. Пирожные привезу сама».

Женя посмотрела и ответила: «Хорошо».

Завтра она будет сидеть на маминой кухне между двумя сестрами, пытаясь примерить их. Она это уже проходила.

Глава 4

После разговора сестёр на маминой кухне Лика уехала домой первой.

Она вошла в квартиру, заперла дверь и постояла в прихожей. В квартире было так тихо, что слышно было, как разговаривают соседи за стеной. Дети у матери Романа, и впервые за долгое время никто не дёргал её за рукав, не просил воды и не кричал из комнаты.

Она сняла туфли, поставила их ровно, хотя обычно бросала, и прошла в ванную.

В зеркале стояла женщина в трикотажном костюме, с забранными не понятно как волосами и серым лицом. Лика смотрела на неё и не узнавала. Под глазами тени, губы сухие, отросшие корни волос. Она наклонилась к стеклу, потрогала пальцем под глазом.

«Ты не красишься. Ты не ходишь никуда, не работаешь. Ты целыми днями варишь суп своему Ромочке и гладишь ему рубашки, а он на тебя уже не смотрит» - пульсировало у нее в голове.

Она включила воду, умылась, вытерлась полотенцем и всё равно стояла и смотрела на себя.

«Он от тебя сбежит, вот увидишь».

— Дура, — сказала Лика своему отражению. Голос вышел хриплый. — Ты дура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.